

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

УДК / UDC 330.1:336.7:338.2:338.45(510)

JEL: B52, E5, G21, L38, L5, O14, O25, O53, R58

А. И. Волынский¹¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: ava3003@hotmail.comORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

eLIBRARY SPIN-код: 1255-0666

Аннотация

Цель: определение институциональных механизмов реализации стратегий и мер промышленной политики Китайской Народной Республики посредством влияния на банковский сектор страны.

Методы: качественные методы, метод историзма, сравнительно-сопоставительный, обобщение.

Результаты: выявлены институциональные механизмы, способствующие вовлечению банковского сектора КНР в процесс реализации стратегий, программ и мер промышленной политики Китая. В разработке направлений промышленной политики руководство КНР опирается в большей степени на меры стимулирования развития стратегически значимых отраслей промышленности посредством предоставления различных льгот, субсидий, а также упрощения доступа к получению банковских кредитов. Институциональные механизмы влияния правительства КНР на принятие коммерческими банками решений по выдаче кредитов приоритетным отраслям выстроены в логике партии ленинского типа: реальным центром принятия стратегических решений социально-экономического и политического развития страны является партия, реализующая свое видение стратегий развития через формальные и неформальные институты партийного контроля над политическими и экономическими институтами.

Научная новизна: определены институциональные механизмы влияния государственных и партийных институтов власти КНР на банковский сектор страны. Показано, что система регулирования банковского сектора КНР и деятельности его крупнейших банков включает механизм партийного влияния, при котором руководители банков одновременно занимают ключевые должности в партийных структурах.

Практическая значимость: выводы полезны для преподавания курсов по институциональной экономике, страноведению и промышленной политике, а также для адаптации китайского опыта в условиях санкций для российской экономики.

Ключевые слова:

экономическая теория, промышленная политика КНР, банковская система КНР, институциональная среда Китая, экономическое планирование КНР, «Сделано в Китае 2025», влияние КПК на экономику, партийное государство ленинского типа, новая структурная экономика Китая

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волынский, А. И. (2025). Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 723–737. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

Scientific article

A. I. Volynskii¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

China's banking sector as a tool for implementing industrial policy strategies: an institutional aspect

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY SPIN-code: 1255-0666

Abstract

Objective: to identify institutional mechanisms for the implementation of industrial policy strategies and measures of the People's Republic of China by influencing the country's banking sector.

Methods: qualitative methods, the method of historicism, comparison, generalization.

Results: institutional mechanisms were identified that facilitate the involvement of the Chinese banking sector in the implementation of strategies, programs and measures of China's industrial policy. In developing industrial policy directions, the Chinese leadership mostly relies on measures to stimulate the development of strategically important industries through the provision of various benefits, subsidies, and easier access to bank loans. The institutional mechanisms of the Chinese government's influence on commercial banks' decisions on granting loans to priority industries are built in the logic of the Leninist-type party; it is the real center of strategic decision-making for the country's socio-economic and political development. It implements its vision of development strategies through formal and informal institutions of party control over political and economic institutions.

Scientific novelty: the institutional mechanisms of influence of the PRC state and party institutions on the country's banking sector are identified. The research shows that the system of regulation of the banking sector in the People's Republic of China and the activities of its largest banks includes a mechanism of party influence, where bank managers simultaneously occupy key positions in party structures.

Practical significance: the findings are useful for teaching courses on institutional economics, regional studies and industrial policy, as well as for adapting the Chinese experience to the Russian economy in the face of sanctions.

Keywords:

economic theory, industrial policy of the People's Republic of China, banking system of the People's Republic of China, institutional environment of China, economic planning in the People's Republic of China, "Made in China 2025", influence of the CPC on the economy, Leninist-type party state, new structural economy of China

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2025). China's banking sector as a tool for implementing industrial policy strategies: an institutional aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 723–737. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

Введение

Промышленная политика Китайской Народной Республики (далее – КНР) – предмет многочисленных исследований и дискуссий как в академическом, так и в политическом контекстах. Интерес к теме многогранен и, с одной стороны, вызван общим мировым ренессансом идеи промышленной политики как таковой (Millot & Rawdanowicz, 2024), а с другой – пользующейся популярностью как в западном академическом, так и политическом дискурсах идее о том, что китайская стратегия реализации промышленной политики несет существенные риски для внешних рынков посредством искусственного создания избыточного предложения товаров (Autor et al., 2021).

Интерес российских исследователей к проблеме китайской промышленной политики имеет иную природу и укладывается в идею «заимствования китайского опыта» промышленной политики в ситуации, когда российская экономика столкнулась с необходимостью импортозамещения (Капогузов и др., 2025; Рогатных, Звезднов, 2024. С. 43–44). Попытка извлечь из китайского опыта рецепты успеха для российской экономики не должна ограничиваться исследованием механизмов и мер поддержки, таких как государственные субсидии отраслям и формальные механизмы поддержки. Необходимо учитывать и неформальные механизмы, а в более широком смысле – весь контекст институциональной среды КНР: и то, как формируются стратегии промышленной политики, и то, как они реализуются не только на уровне формальных механизмов поддержки, но и на уровне неформальных практик, а также политических мер координации экономической деятельности в стране. Понимание различий между российской и китайской политическими реальностями позволит более корректно оценивать перспективы имплементации китайского опыта в российскую среду.

Цель данной статьи – определение политических механизмов реализации стратегий промышленной политики в КНР. Мы исходим из гипотезы партийного фактора как основного механизма координации экономической деятельности в КНР на макроуровне и реализации стратегий промышленной политики: Коммунистическая партия Китая (далее – КПК) выступает и как центр формирования экономических стратегий, и как политический механизм реализации стратегий. В качестве объекта исследования нами выбрана банковская система КНР. Кредитные механизмы как в КНР, так и в большинстве мировых экономик стали в ряд ключевых инструментов реализации стратегий промышленной политики (Juhász et al., 2023. Рр. 39–40). Механизм вовлечения банковской системы страны в реализацию стратегий промышленной политики – открытый вопрос как для исследователей, так и для политиков. Китайский опыт в этом смысле специфичен и требует отдельного исследования.

В первой части исследования мы рассмотрим существующие в мировой исследовательской литературе определения понятия «промышленная политика», часть которых может сформировать исследовательское поле представленного исследования, находящееся на пересечении экономики и политологии. Во второй части обратимся к дискурсу промышленной политики Китая. В третьей – рассмотрим действующие в КНР механизмы экономического планирования через призму понятия партийного государства ленинского типа. Далее обратимся к определению банковского сектора КНР как инструмента реализации стратегий промышленной политики в КНР и подведем итоги исследования.

Результаты исследования

Промышленная политика: переплетая политику и экономику

Промышленная политика (*Industrial policy*) в большинстве случаев определяется исследователями как политика правительства по поддержке отдельных отраслей промышленности и/или отдельных предприятий. Именно такое определение мы находим в докладе Международного валютного фонда (МВФ): «Целенаправленное вмешательство правительства (“вертикальная политика”), направленное на поддержку конкретных отечественных фирм, отраслей промышленности или узко определенной экономической деятельности для достижения определенных национальных (экономических или неэкономических) целей» (International Monetary Fund, 2024b. Р. 4). Важным в рамках нашего исследования пунктом в приведенном определении является указание на возможный неэкономический характер преследуемых целей: логика формирования стратегий промышленной политики на уровне политических акторов, а не экономических агентов предопределяет переплетение как мотивов экономической рациональности, так и политической целесообразности. Что же понимать под политической целесообразностью, зависит от самих авторов стратегий. В других определениях характер целей, преследуемых целенаправленным вмешательством правительства в экономику посредством реализации мер промышленной политики, конкретизируется в «преобразовании структуры экономической деятельности в достижении какой-то общественной цели» (Juhász et al., 2023. Р. 4), устранении провалов рынка, посредством реформирования производственной структуры национальной экономики (Chang, 2022)¹.

¹ Spence, M. (2023). In Defense of Industrial Policy. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/industrial-policy-us-chips-and-science-act-debate-by-michael-spence-2023-05>

В российской традиции тематику промышленной политики не принято политизировать: как правило, она рассматривается как комплекс принимаемых на уровне государственного управления (федерального и регионального) мер, направленных на структурную модернизацию российской промышленности (подробный обзор темы см. (Мураев, 2025)). В Законе «О промышленной политике в Российской Федерации» она определяется как «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции»². Однако более широкий контекст, формируемый такими понятиями, как «национальные интересы» и «стратегические национальные приоритеты», дает другой документ – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, значительное внимание в котором уделено развитию и модернизации промышленности³.

В американской практике, напротив, политизация более очевидна. Так, в «Законе о чипах и науке» (*CHIPS and Science Act*) от 2022 г. – одном из ключевых законодательных актов, принятых в США в последние годы, напрямую относящихся к промышленной политике, сказано, что экономические агенты, связанные с КНР, должны попадать под ограничения⁴. Сформулированная Европейской комиссией стратегия индустриальной политики в первой части документа артикулирует политический контекст необходимости целенаправленной реализации мер промышленной политики. «Потребность в том, чтобы Европа подтвердила свой голос, отстаивала свои ценности и боролась за равные условия, важнее, чем когда-либо. Это касается суверенитета Европы», – говорится в первой части документа⁵.

Приведением существующих определений мы стремимся показать переплетение политического и экономического мотивов в формулировании стратегий промышленной политики: как в тексте Европейской комиссии, так и в Законе о чипах и науке отправными точками выступают обеспечение суверенитета, борьба за ценности и противостояние внешнему геополитическому конкуренту. Будучи порождением политического, промышленная политика и реализуется посредством политического выбора: «мы продвигаем X, но не Y» (Juhász et al., 2023. P. 4). Иными словами, реализующая стратегии промышленной политики бюрократия совершает выбор в пользу поддержки одной отрасли и/или предприятия в ущерб другой, что само по себе носит политический оттенок. Однако если мы исходим из того, что промышленная политика в части формирования стратегии – политическое событие, то возникают вопросы о характере реализации принятых стратегий и рисков. Формально исследователи темы под мерами промышленной политики понимают использование набора экономических инструментов. Так, в базе данных проекта «Обсерватория новой промышленной политики» (*New Industrial Policy Observatory, NIPO*) выделяется 66 типов инструментов промышленной политики, среди которых субсидирование отдельных отраслей и предприятий, снижение налоговой нагрузки, предоставление льготных кредитов, а также введение заградительных таможенных барьеров и мер экспортного контроля⁶. МВФ дополняет таксономию инструментов промышленной политики, во-первых, инструментами привлечения ПИИ в экономику, особенно посредством создания специальных экономических зон, а также такими инструментами непрямого влияния, как социальная политика и политика в сфере образования. Государственные предприятия также оцениваются МВФ как инструмент проведения промышленной политики (International Monetary Fund, 2024b. Pp. 8–9). Неформальной стороной вопроса остается процесс использования любого из указанных инструментов: промышленная политика сужает власть рынка, а власть бюрократии и конкретных людей, наделенных возможностью принятия решений, напротив, расширяет. Существенным в данном случае

² О промышленной политике в Российской Федерации. № 488-ФЗ от 31.12.2014. (2015). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/

³ Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. (2021). Консультант плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁴ H.R.4346 – CHIPS and Science Act 117th Congress (2021–2022). Congress.GOV. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text>

⁵ Communication from the commission. A New Industrial Strategy for Europe. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0102>

⁶ The New Industrial Policy Observatory 2.0 (NIPO 2.0). Methodological note (p. 5). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

вопросом становится институциональная среда национальной экономики⁷ со своей устоявшейся системой процедур принятия и реализации решений, политических согласований и определения карьерных треков людей, принимающих решения.

В странах Запада идея промышленной политики сталкивается в этом смысле с несколькими фундаментальными проблемами: поскольку цели стратегий промышленной политики вырастают из нормативных политических суждений, в их формулировании и реализации возникает фундаментальное противоречие между технократическим расчетом и его политической легитимацией с точки зрения политических акторов (главным образом партий), конкурирующих друг с другом в рамках электоральных циклов. Вторая структурная и общая для более широкого круга стран проблема – согласование политики и принимаемых мер между акторами, наделенными разными полномочиями и обладающими разнонаправленными интересами (Coyle, 2024. Р. 727). В этом смысле Китай может быть рассмотрен как пример страны, в которой проблема зависимости политических соображений в формировании стратегий промышленной политики от электоральных циклов и проблема координации разнородных экономических и политических агентов нивелирована за счет институциональных особенностей существующей политической системы.

Дискурс вокруг промышленной политики Китая

Российская научная среда демонстрирует интерес к изучению промышленной политики КНР. Часть авторов сводит анализ к выводу о значительных позитивных результатах реализации правительством КНР стратегий промышленной политики. В этом случае фокус исследования приходится на изучение китайской промышленной политики в глубокой исторической ретроспективе: описанию того, какой путь прошла экономика КНР в последние десятилетия посредством повторения китайских официальных идеологических нарративов о построении среднезажиточного общества⁸. К числу таких работ можно отнести, например, труд Сосковой с соавт. (2024): в посвященном особенностям развития промышленной политики КНР исследовании авторы делают вывод о том, что целенаправленная стратегия промышленной политики КНР позволила Китаю пройти за несколько десятилетий путь от страны с аграрной экономикой до статуса страны – мирового технологического лидера и построить общество сяокан (Соскова и др., 2024. С. 10–11).

Феноменальный рост китайской экономики в последние сорок лет позволяет как российским исследователям, так и китайским авторам русскоязычных статей писать о промышленной политике КНР, с одной стороны, ссылаясь на впечатляющие цифры китайского промышленного роста, с другой – опираясь на тезис об эффективности промышленной политики КНР как на аксиоматическое утверждение. Значительная часть российских исследований оказывается сведена к построению нарратива о китайском экономическом чуде и необходимости заимствовать китайский опыт (Андрианов, 2019; Ши, 2023; Головенчик и др., 2020; Сюэцзюнь, Тянь, 2018). Вторая группа российских публикаций – анализ реализации промышленной политики в отдельных отраслях китайской экономики, в том числе в ее региональном разрезе (Курудимов, 2023; Зубец, 2025; Ма, 2023; Епихина, 2021).

Переход к исследованию принципов и институциональных механизмов реализации стратегий промышленной политики реализован в работе Данилина (2024): в ней автор прослеживает эволюцию стратегий промышленной политики КНР от опоры на возвращение крупных передовых предприятий так называемых национальных чемпионов⁹ до широкой поддержки малых и средних предприятий, что объясняется факторами

⁷ То, что институты имеют значение, разумеется, не является новостью для экономической науки. И исследования промышленной политики в разных странах это лишний раз доказывают: так, исследование промышленной политики в Эфиопии показало, что меры финансового стимулирования не достигают своей цели ввиду низкого качества институтов (Gebrewolde & Rockey, 2022), однако в данном случае мы предполагаем выйти за рамки оценки качества институтов, принятой в мировой исследовательской практике.

⁸ Общество среднего достатка (сяокан, 小康社会) – изначально конфуцианский термин, был актуализирован Дэн Сяопином в начале 1980-х гг. в качестве характеристики одной из целей политики реформ и открытости и составляющей более широкой идеологии социализма с китайской спецификой (Панцов, 2013. С. 423).

⁹ Под «национальными чемпионами» (国家冠军企业) применительно к китайской экономике понимаются крупные, как правило, государственные корпорации, чье развитие было простимулировано китайскими правительством с целью вывода компании в мировые лидеры в определенной стратегически значимой отрасли. Среди мер стимулирования – доступ к государственным заказам, упрощенный доступ к получению кредитов, иные меры субсидирования. «Национальные чемпионы» рассматриваются часто как инструменты промышленной политики КНР (Melnik, 2019).

внешнего санкционного давления и растущих геополитических рисков: крупные китайские корпорации, как показывает опыт, зачастую становятся легкой санкционной мишенью. Более широкую теоретическую перспективу анализа промышленной политики КНР дает П. М. Мозиас, приводя обзор как китайской, так и западной литературы по теории промышленной политики и указывая на разницу в теоретических установках (Мозиас, 2024): если в представлениях китайских авторов промышленная политика КНР дала толчок китайской экономике, то западные исследователи склонны делать упор на несовершенство самой идеи активного проведения промышленной политики в Китае, приводящего к дисбалансам в структуре национальной экономики.

Англоязычные исследования промышленной политики в Китае выдержаны в менее положительной тональности. Критический настрой авторов связан с двумя факторами. Во-первых, сказывается по-прежнему оказывающее влияние на экономическое сообщество неприятие самой идеи промышленной политики, которая все еще является «политикой, имя которой не называют» (*the Policy That Shall Not Be Named*) (Cherif & Hasanov, 2019), понятие, за которым тянется шлейф отрицательных исторических коннотаций. Впрочем, в направлении пересмотра сложившегося паттерна восприятия промышленной политики как априори провальной происходят существенные подвижки. Учитывая, что в последние годы правительства развитых стран чаще развивающихся прибегают к мерам промышленной политики (Evenett et al., 2024. P. 7), западные экономисты не могут не обращаться к созданию иного, теперь уже положительного дискурса промышленной политики. Так, в исследовании Juhász et al. (2023) показано, что история знала множество примеров того, как активное проведение промышленной политики способствовало экономическому развитию. Важна, таким образом, не сама идея промышленной политики как таковой, а стратегии ее реализации: какие поставлены задачи и какие механизмы их достижения задействованы (Juhász et al., 2023). Фокус смещается с вопроса о том, насколько оправдано государственное вмешательство в промышленное развитие, направленное на реформатирование структуры национальной экономики, на то, какие меры промышленной политики и механизмы их применения эффективны, а какие нет. Промышленная политика может быть результативной и в развитых, и в развивающихся экономиках (Oqubay, 2020), может способствовать структурной перестройке экономики и приносить долгосрочный экономический эффект (Choi & Levchenko, 2021; Lane, 2025), приближать к достижению целей устойчивого развития и декарбонизации национальных экономик (Allan & Nahm, 2025). Ключевым вопросом становится не «что» (прибегать ли вообще к стратегиям промышленной политики), а «как» их реализовывать (Mariotti, 2025; Bartelme et al., 2025).

Второй фактор, определяющий становление преимущественно негативной рамки анализа промышленной политики КНР западными учеными, – доминирующее представление о нерыночном характере китайской экономики, что, с одной стороны, приводит к неэффективной аллокации ресурсов внутри самой китайской экономики, с другой – к волнам «китайского торгового шока» (*China trade shock*): с точки зрения западных экономистов и политиков стратегия китайского правительства по субсидированию строительства заводов в стране и наращивания инвестирования в основные фонды приводит к созданию избыточных производственных мощностей, что обеспечивает потоки дешевых товаров из Китая, а это уже угрожает целым отраслям в странах с рыночными экономиками¹⁰. Отправная точка аргументации: Китай – нерыночная экономика¹¹, в которой у правительства есть ресурсы для формирования ценовых искажений на конечную произведенную продукцию, что подрывает рыночную конкуренцию в мировой экономике. Так, Barwick с соавт. (2025) на примере судостроительной отрасли КНР показывают, что субсидирование ее развития правительством привело к снижению доходности в отрасли: появление значительного числа судостроительных верфей обернулось ценовой конкуренцией на рынке, что снизило доходность предприятий. В докладе немецкого *Mercator Institute for China Studies (MERICS)* наиболее приоритетизируемые правительством КНР отрасли китайской промышленности, такие как производство солнечных панелей, полупроводников, рассматриваются через призму понятия избыточных производственных мощностей, а драйвером избыточного роста в большинстве случаев называется реализация мер промышленной политики КНР¹². В докладе Международного валютного фонда (МВФ) по Китаю за 2024 г. авторы дают прямую

¹⁰ Casselman, B. (2025). The 'China Shock' Offers a Lesson. It Isn't the One Trump Has Learned. The New York Times. <https://www.nytimes.com/2025/04/11/business/economy/tariffs-trump-china-shock.html>

¹¹ China's Status as a Nonmarket Economy (NME). Congress.GOV. <https://www.congress.gov/crs-product/IF10385>

¹² Gunter, J., Brown, A., Chimits, F., Hmaid, A., Vasselier, A., & Zenglein, M. J. (2025). Beyond Overcapacity: Chinese-Style Modernization and the Clash of Economic Models. MERICS. <https://merics.org/en/report/beyond-overcapacity-chinese-style-modernization-and-clash-economic-models>

рекомендацию Китаю снизить интенсивность применения мер промышленной политики, стимулирующей дисбалансы в распределении ресурсов внутри страны и провоцирующей угрозу избыточного предложения для внешних рынков (International Monetary Fund, 2024a. P. 2). Альтернативный дискурс создают работы китайских авторов с китайскими аффилиациями, опубликованные в англоязычных журналах.

Так, в работе Nan с соавт. (2025) показано, что реализация программы «Сделано в Китае 2025» (中国制造 2025) в области робототехники способствовала развитию этой отрасли и внедрению робототехники на производствах. Авторы другого исследования (Zhou et al., 2025) заявляют о том, что активная реализация мер промышленной политики в КНР способствует не только развитию субсидируемых отраслей за счет роста крупных государственных предприятий, но и росту оптимизма среди частных интересов, привлечению частных инвестиций как в развиваемые государством отрасли, так и в соответствующие регионы. А это положительно сказывается на малых и средних предприятиях, напрямую не связанных с государственной поддержкой.

Внутрикитайский дискурс промышленной политики отчасти близок тому, что ретранслируется китайскими учеными вовне. Один из авторитетных в среде китайских экономистов авторов – Джастин Линь Ифу, бывший шеф-экономист Всемирного банка (2008–2012). Одна из его ключевых и оказывающих на экономическую науку КНР концепций – новая структурная экономика (*New structural economics*). В его представлении структура национальной экономики и динамика ее развития зависят прежде всего от эндогенных факторов и определяются сравнительными преимуществами национальной экономики и структурой факторов производства. Однако, развивая эту теоретическую рамку, он делает важный шаг вперед: если страна будет опираться исключительно на сравнительные преимущества, для нее окажется закрыта возможность качественной структурной трансформации экономики, а это создаст условия для попадания страны в «ловушку среднего дохода» (*Middle income trap*), когда по достижении определенного уровня развития потенциал экономического роста будет исчерпан, а конкурентные преимущества утрачены. Новый структурализм Линь Ифу проявляется в определении им роли государства: не отрицая роль рыночных механизмов, оно должно способствовать структурной трансформации национальной экономики путем создания «жесткой» (логистические пути, электросети и т. д.) и «мягкой» (развитие передовой системы национального образования) инфраструктуры, обеспечивать приток частных и иностранных инвестиций (Линь Ифу, 2010). Второй автор, повлиявший на формирование теоретической рамки рассмотрения промышленной политики китайскими исследователями, – Цай Фан, бывший вице-президент Китайской академии общественных наук, показавший в 2010-х гг., что КНР находится на пороге исчерпания демографического дивиденда, а значит, и исчерпания своего основного сравнительного преимущества – дешевой рабочей силы. Выход из ситуации Цай Фан увидел в повышении производительности труда посредством развития системы образования и инвестиций в современные технологии, что невозможно без активной роли государства как инвестора (Цай Фан, 2013). Фактически оба автора пришли к выводу о том, что инновации должны стать новым ядром роста экономики КНР, но для развития инноваций необходима целенаправленная политика по структурной трансформации экономики КНР.

Необходимость структурной трансформации китайской экономики в силу исчерпания прежних ресурсов роста обрела в работах китайских авторов и конкретную цель: восхождение по цепочке добавленной стоимости (Лу Бин, 2012), для чего необходима глубокая модернизация промышленности и создание собственных технологий и технологических стандартов. Однако, несмотря на наличие определенной интеллектуальной традиции научной легитимации промышленной политики, китайские авторы все же признают и существующие риски, и сложности в реализации мер промышленной политики. Так, даже китайские авторы пишут о риске возникновения избыточных мощностей (Чэн Цзюньцзе, 2015). В последние же годы в рамках изучения проблем реализации промышленной политики актуализируется концепция Яноша Корнаи о мягких бюджетных ограничениях (Kornai, 1986): эффекта, свойственного плановым экономикам и экономикам со значительным государственным участием, при котором агенты, принимая решения, связанные с финансовыми рисками, исходят из ожидания оказания им финансовой помощи со стороны государства. Так, авторы статьи (Ду Тунвэй и др., 2020) пишут о росте скрытых долгов провинций, отчасти простимулированном стратегией реализации мер промышленной политики в КНР, когда главы провинций вступают в соревнование за достижение установленных целевых показателей. В других исследованиях (Го Юэ, 2018; Ху Хуншу, Ли Цзе, 2022) анализируется фактор мягких бюджетных ограничений в работе государственных предприятий и национальных чемпионов, включающихся в гонку по привлечению и освоению субсидий исходя из политических, но не экономических соображений.

Проблема мягких бюджетных ограничений в своем логическом развитии приводит к вопросу о механизмах реализации стратегий и программ промышленной политики в КНР. Поскольку сама идея промышленной политики тесно переплетает экономику с вопросами политического развития стран (от понимания проблем национальной безопасности и национального суверенитета в экономической схеме до свойственных той или иной системе национальной экономики политических механизмов вовлечения экономических агентов в реализацию мер промышленной политики), рассмотрение политических и институциональных механизмов имплементации мер промышленной политики в разных национальных экономиках представляется актуальной исследовательской задачей. Как будет показано далее, одним из ключевых каналов реализации в КНР мер промышленной политики является банковская система: посредством выдачи льготных кредитов предприятиям (в том числе национальным чемпионам), работающим в приоритетных отраслях промышленности, обеспечивается стимулирование развития этих отраслей. Однако выдающие кредиты банки относятся к категории коммерческих, поэтому вопрос механизмов влияния правительства на принятие банками КНР необходимых кредитных решений остается открытым.

Механизмы экономического планирования в КНР: партийное государство ленинского типа в действии

При анализе политической системы КНР исследователи часто обращаются к терминологии государства и партии ленинского типа. Соответствующая типология основывается на двух структурообразующих элементах: 1) наличии коммунистической партии как иерархически организованной вертикально интегрированной организации, основанной на принципах ленинского централизма¹³; 2) механизмах партийного контроля за политическими институтами страны как в политической сфере, так и сфере идеологии и распределения ресурсов. Формальная организация политической структуры КНР выстроена в логике сказанного выше: КПК – партия кадровых политиков, организация которой основана на ленинском принципе демократического централизма, а политическая система КНР предполагает реализацию партийного контроля над решением политических, экономических и социальных вопросов посредством механизмов экономического планирования и контроля над процессом кадровых назначений на руководящие должности в стране (обзор механизмов связи государства и партии в КНР см. (China's political system, 2017. Pp. 21, 46–153); о системе ротации партийных кадров в КНР, предполагающей сращивание партийных и гражданских карьерных треков при условии примата партийного трека, см. (Зуенко, 2017)).

Логика и политического, и идеологического механизмов реализации партийной власти в КНР такова, что вопрос определения стратегий экономического развития страны – один из ключевых. «Социалистический строй является основным строем КНР. Руководство со стороны КПК является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой»¹⁴, говорится в основных принципах Конституции КНР. О функции централизованного экономического планирования говорится и в Уставе КПК¹⁵. Основным существующий механизм – пятилетнее планирование. Процесс разработки пятилетних планов включает несколько этапов сбора и анализа информации, подготовки предложений, обсуждений, согласований, принятия итогового документа и его имплементации. Участниками процесса становятся как профильные министерства и ведомства, так и научно-исследовательские институты, а основным модератором процесса выступает КПК¹⁶. Финалом широкого процесса общественных консультаций, включающих обсуждение проекта на онлайн-платформах¹⁷, становится принятие на проходящем осенью пленуме Центрального

¹³ Как пример современной рефлексии китайских исследователей ленинских принципов партийного строительства см. (Ying, 2025).

¹⁴ Конституция КНР в редакции 2018 г. Huanenet.com. <https://www.huanenet.com/ru/fl/2130.html>

¹⁵ Устав Коммунистической партии Китая (Утвержден с частичными поправками XX Всекитайским съездом КПК 22 октября 2022 года). Theory China. <https://ru.theorychina.org.cn/c/2022-10-27/1451725.shtml>

¹⁶ 中国五年规划是这样编制实施的 [Каким образом разрабатываются и реализуются пятилетние планы Китая]. CHINADAILY.COM.CN. <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202508/01/WS688c6a86a3105a871d62d16c.html>

¹⁷ Xi Jinping. (2025). Using Medium- and Long-Term Plans to Guide China's Economic and Social Development Is a Key Governance Approach of Our Party. English Edition of Qiushi Journal. https://en.qstheory.cn/2025-09/15/c_1124058.htm

комитета (далее – ЦК) Коммунистической партии Китая предложений ЦК КПК по формированию пятилетнего плана, которые оформляются в итоговый документ, принимаемый весной следующего года на сессии Всекитайского собрания народных представителей – высшего органа государственной власти в стране. Помимо механизмов среднесрочного планирования, задействуются и механизмы долгосрочного планирования: так, осенью 2020 г. ЦК КПК выпустил предложения и по пятилетнему плану, и по долгосрочному видению развития страны до 2035 г.¹⁸

Руководящая линия партии прослеживается и в других стратегических документах. В постановлении Государственного совета КНР о программе «Сделано в Китае 2025» пункт о стратегических руководящих принципах начинается с утверждения о реализации линии партии¹⁹. Более свежий документ – «План развития национальной системы стандартизации», имеющий своей целью к 2035 г. сделать Китай мировым лидером по созданию технологических стандартов, применяемых и за пределами страны, выпущен совместно ЦК КПК и Госсоветом КНР²⁰.

Реализация принятых стратегий промышленной политики в КНР предполагает распределение задач между центральным и региональным уровнями, а также использование существующего набора инструментов экономического стимулирования: денежные и иные субсидии, налоговые льготы, банковские кредиты по льготным ставкам. Как показано García-Macia с соавт. (2025. P.11), в пересчете на проценты от ВВП КНР, на момент 2023 г. субсидируемые льготные кредиты составили накопленным итогом 0,4 % от ВВП, тогда как прямые денежные субсидии – 2 % от ВВП, а налоговые льготы – 1,5 %. Несмотря на такое соотношение, льготные кредиты остаются значимым инструментом реализации мер промышленной политики КНР. То, как распределяются коммерческими банками КНР кредиты целевым отраслям и предприятиям, зависит от существующих в КНР механизмов управления политикой и экономикой.

Банковский сектор как инструмент реализации стратегий промышленной политики в КНР: институциональные механизмы

Организация управления банковским сектором КНР представляет собой многоуровневую структуру. Формально функции регулятора банковской и страховой деятельности исполняет созданное в 2023 г. Государственное управление финансового регулирования (*National Administration of Financial Regulation*, кит. – 国家金融监督管理总局). Управление подчиняется Госсовету КНР, однако на сайте регулятора в числе функций управления первой упоминается реализация политики и решений ЦК КПК²¹. Государственному совету подчиняется и Народный банк Китая (*People's Bank of China*, кит. – 中国人民银行), центральный банк КНР, основной функцией которого является поддержание финансовой стабильности КНР. Очевидным инструментом поддержки промышленной политики являются так называемые политические банки КНР (*policy banks*): Государственный банк развития Китая (*China Development Bank, CDB*, 国家开发银行), экспортно-импортный банк Китая (Эксим-банк Китая, *The Export-Import Bank of China, CHEXIM*, 中国进出口银行), Банк сельскохозяйственного развития Китая (*The Agricultural Development Bank of China, ADBC*, 中国农业发展银行). Названия банков соответствуют профилю кредитуемых отраслей, они финансируются государством и подчиняются Госсовету КНР. Основная их функция – кредитование крупных инфраструктурных проектов на некоммерческих условиях. Несмотря на их политическое значение (Сербина, 2025), доля активов поли-

¹⁸ 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 [Предложения ЦК КПК по формированию четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год]. Сайт Госсовета КНР. http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm

¹⁹ 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [Уведомление Государственного совета КНР о публикации стратегии «Сделано в Китае 2025». Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm

²⁰ 中共中央 国务院印发《国家标准化发展纲要》 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали План развития национальной системы стандартизации]. Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/10/content_5641727.htm

²¹ National Financial Regulatory Administration. <https://www.nfra.gov.cn/en/view/pages/ItemList.html?itemId=974&itemTitle=About%20the%20NFRA>

тических банков не превышает 10 %²². Поэтому большим инструментальным значением обладает сектор коммерческих банков, в котором доминируют крупные китайские государственные банки. Исследования поведения коммерческих банков не дают четкого ответа на вопрос о том, в какой мере и с какой скоростью их кредитные портфели подстраиваются под реалии стратегий промышленного развития КНР. В работе Ху (2024. Рр. 31–32) показано, что реакция банков неоднородна: для крупных банков колебания менее заметны, чем для банков более низкого уровня, хотя определенное влияние стратегий промышленной политики на кредитные решения крупных коммерческих банков также заметно. Какие механизмы влияния на банки оказываются задействованы? С одной стороны, как показывает исследование Ху (2024), получателями кредитов становятся государственные предприятия, функционирующие в приоритетных отраслях, и менеджмент банков исходит из того, что кредитные риски ниже в отраслях, поддерживаемых государством. С другой стороны, поддержка приоритетных отраслей становится для менеджмента банков важным политическим шагом для построения будущей карьеры. Партийное влияние на банковский сектор КНР институционально закреплено необходимостью создания организаций КПК в банках (как и в других компаниях), что определяется действующим Законом КНР «О компаниях»²³. Сращивание партийной и корпоративной структур в отдельных случаях может определяться людьми, находящимися в руководстве банков и совмещающих руководящие должности в банках с партийной карьерой. Так, глава Государственного управления финансового регулирования Ли Юньцзэ совмещает должности секретаря партийной организации управления и руководителя управления, а как член партии входит также в состав ЦК КПК²⁴. Председатель и исполнительный директор Банка Китая (*Bank of China*, кит. – 中国银行) Гэ Хайцзяо – секретарь партийного комитета банка²⁵; глава Китайского банка развития (*China Development Bank*, кит. – 国家开发银行) Чжао Хуань – секретарь партийной организации банка. Совмещение партийной и руководящих должностей и включенность банкиров в систему кадровой ротации (например, Гэ Хайцзяо до назначения в Банк Китая занимал руководящие должности в провинции Хэбэй) очевидным образом влияет на принимаемые государственными коммерческими банками решения.

Усиление с 2018 г. влияния КПК на корпоративный сектор, в том числе на банки, осмысливается китайскими авторами в положительном ключе. Возросшее партийное влияние на банки КНР и корпоративный сектор КНР снизило риски оппортунистического поведения при принятии менеджментом решений (Huang et al., 2024). Применительно к банкам снижение вероятности возникновения оппортунистического поведения среди менеджмента положительно влияет на качество кредитных портфелей банков и снижение рисков их банкротства (Wei et al., 2025). Как показывают авторы, банковский сектор КНР, в особенности это касается крупных государственных коммерческих банков, направляет усилия на усложнение системы партийного присутствия в управленческой структуре банков. Партия, таким образом, получает механизмы и контроля, и координации за деятельностью банковского сектора. Актуальными становятся два направления: поощрения и наказания. Как показывает карьерный трек Гэ Хайцзяо, поставленного во главе Банка Китая и перешедшего в банковский сектор с провинциального руководящего уровня, банковский сектор рассматривается как часть карьерного пути кадровых партийцев (о логике карьерных треков кадровых партийцев см. (Зуенко, Сельцер, 2022)). Реализация принятых программ промышленной политики, которые, как мы показывали выше, лишь

²² 2025年银行业金融机构总资产、总负债（季度）[Суммарные активы и совокупные обязательства банковских финансовых учреждений (поквартально) в 2025 году. Государственное управление финансового регулирования КНР]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=1208445&itemId=954&generaltype=0>. Доля политических банков указана в разделе «другое», составляет 13,8 % и включает активы политических банков, иностранных банков, частных банков, небанковских финансовых учреждений, трастовых компаний и компаний по управлению активами.

²³ 2025年银行业金融机构总资产、总负债（季度）[Суммарные активы и совокупные обязательства банковских финансовых учреждений (поквартально) в 2025 году. Государственное управление финансового регулирования КНР]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=1208445&itemId=954&generaltype=0>. Доля политических банков указана в разделе «другое», составляет 13,8 % и включает активы политических банков, иностранных банков, частных банков, небанковских финансовых учреждений, трастовых компаний и компаний по управлению активами.

²⁴ Company Law of the People's Republic of China [2023 Revision]. GWBMA. <https://www.registrationchina.com/articles/law/company-law-of-the-peoples-republic-of-china-2023-revision/>

²⁵ 国家金融监督管理总局局长 李云泽 [Ли Юньцзэ, руководитель Государственного управления финансового регулирования]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/jigougaikuang/hld-xiangqing.html?25>

формально приняты как государственные документы, фактически же в основных своих очертаниях созданы внутрипартийными структурами, становится партийной задачей, стоящей перед руководителями государственных коммерческих банков КНР, от решения которой зависит их дальнейшее продвижение по службе.

Будет справедливым, с учетом сказанного выше, поставить вопрос о рисках возникновения эффекта мягких бюджетных ограничений, о которых писал Корнаи, и подмены своих личных карьерных интересов корпоративными интересами и соображениями экономической рациональности с точки зрения качества выдаваемых кредитов и справедливости распределения кредитного портфеля. Иными словами, кредитные средства в системе партийного влияния на банки могут распределяться исходя из соображений соответствия целевым показателям кредитования приоритетных отраслей. Насколько велики риски такого сценария развития событий и реализуются ли они в действительности – предмет отдельных исследований. В рамках данной статьи отметим, что, во-первых, как было показано выше, система регулирования банковского сектора КНР построена и на наличии Народного банка Китая, исполняющего функции ЦБ, и на функционировании комиссии как регулирующего органа. Создание нескольких центров контроля позволяет в известной степени снизить риски за счет наличия системы сдержек и противовесов. С другой стороны, свое значение имеют внутрипартийные механизмы контроля за партийной дисциплиной: как показывает практика, банковский сектор часто становится объектом воздействия антикоррупционных органов КНР, ведущую же роль в системе борьбы с коррупцией в КНР играют партийные органы²⁶.

Заключение

В заключение можно сделать следующие выводы об институциональном аспекте участия банковской системы КНР в реализации правительством КНР мер и стратегий промышленной политики. Во-первых, банки КНР, как показано в ряде исследований, являются значимыми каналами реализации как пятилетних планов развития КНР, так и более долгосрочных программ промышленного развития страны, таких как «Сделано в Китае 2025». Посредством предоставления льготных кредитов предприятиям, развивающим проекты в приоритетных отраслях, банки создают необходимые условия для реализации программ развития и, с другой стороны, обеспечивают переток финансовых ресурсов от менее значимых отраслей к тем отраслям, на развитие которых правительство КНР сделало соответствующую политическую ставку. Масштабное кредитование отраслей имеет, помимо прочего, сигнальную функцию для экономических агентов, наращивающих инвестиционную активность в наиболее кредитруемых отраслях. Во-вторых, механизм влияния правительства на кредитные решения банков не исчерпывается исключительно формальными факторами доли государственного участия в крупнейших банках страны, но и определяется неформальными механизмами партийного государства ленинского типа: реальный центр разработки стратегий промышленного развития КНР перенесен в КНР на уровень партийных институтов власти. КПК, обладая ресурсами влияния как на правительство, так и на банковский и корпоративный сектора экономики КНР выступает в данном случае ключевым координатором между разнородными агентами, обладающими разными экономическими интересами, в процессе реализации стратегий промышленной политики. Фактор партийного влияния на экономическую жизнь КНР, в частности на поведение банков, следует учитывать при изучении китайского опыта, особенно в части попыток имплементации отдельных элементов китайского опыта в российскую практику. Так, подводя итог своего исследования государственной поддержки предприятий в КНР, Капогузов с соавт. пишут о том, что «при грамотной адаптации китайского опыта Россия сможет ускорить развитие своей промышленности...» (2025. С. 139). Несмотря на определенную популярность этой точки зрения среди российских авторов, при переносе китайского опыта на российские реалии необходимо учитывать, что Россия прошла через опыт деконструкции институтов государства ленинского типа и, таким образом, действительно определяющий элемент реализации промышленной политики КНР – партия ленинского типа – в России отсутствует. А это делает невозможным выстраивание в России схожих с китайскими механизмов координации деятельности экономических агентов, обладающих разнонаправленными интересами.

²⁶ Directors and Board of Directors. Bank of China. https://www.boc.cn/en/investor/ir6/201504/t20150402_4830133.html

Список литературы

- Андрианов, К. Н. (2019). Промышленная политика Китая: эволюция и современное содержание. *Горизонты экономики*, 4(50), 97–102. EDN: FYDBWT
- Го Юэ. (2018). Механизм передачи сигналов государственными инновационными субсидиями и инновационная деятельность предприятий [政府创新补助的信号传递机制与企业创新, Чжэнфу Чуансинь Бучжу Дэ Синьхао Чуаньди Цзичжи Юй Цие Чуансинь]. *Китайская промышленная экономика* [Чжунго гунье цзинди, 中国工业经济], 9, 98–116.
- Головенчик, Г. Г., Господарик, Е. Г., Ван, Ю. (2020). Новая промышленная политика и цифровизация: опыт Китая для ЕАЭС. *Новая экономика*, 2(76), 56–74. EDN: OYTTNH
- Данилин, И. В. (2024). Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(6), 139–154. EDN: BNKDWE. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154
- Ду Тунвэй, Чжан Ишань и Ли Тяньюй. (2020). Фискальная конкуренция, мягкие бюджетные ограничения и фискальная устойчивость местных органов власти [财政竞争、预算软约束与地方财政可持续性, Цайчжэн Цзинчжэн, Юйсуань Жуань Юэшу Юй Дифан Цайчжэн Кэчисюйсин]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 11, 93–107. <https://doi.org/10.16538/j.cnki.jfe.20200616.402>
- Епихина, Р. А. (2021). Промышленная политика в электроэнергетическом секторе как инструмент реализации стратегии глобального лидерства Китая. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23(2), 243–253. EDN: WRDEWX. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253
- Зубец, А. Ж. (2025). Государственная региональная промышленная политика Китая: успешный кейс провинции Гуандун. *Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением*, 8, 103–108. EDN: TUGLZC
- Зуенко, И. Ю. (2017). Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10(5), 30–46. EDN: YLODZM. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46
- Зуенко, И. Ю., Сельцер, Д. Г. (2022). «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов. *Известия Восточного института*, 1(53), 58–69. EDN: GYDXEE. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69
- Капогузов, Е. А., Гордеев, В. А., Таньцунь, Л. (2025). Государственная поддержка как фактор повышения конкурентоспособности предприятий: обзор опыта КНР для России. *Вопросы управления*, 3(19), 127–142. EDN: RNTVZI
- Курудимов, Н. В. (2023). Анализ политики по развитию зеленых источников энергии в промышленном секторе (на примере Китая). *Kant*, 2(47), 55–59. EDN: ELZGNJ. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-47.10
- Линь Ифу. (2010). Новая структурная экономика: перестройка рамок экономики развития [新结构经济学：重构发展经济学的框架, Синь Цзегоу Цзиньцзисюэ: Чунгоу Фачжань Цзиньцзисюэ Дэ Куанцзя]. *Китайский экономический журнал* [Цзиньцзисюэ (Цзикань), 经济学(季刊)], 10(1), 1–32.
- Лу Бин. (2012). Повышение в цепочке создания стоимости промышленности в переходной экономике [转型经济中的产业价值链升级, Чжуаньсин Цзинди Чжун Дэ Чанье Цзячжиянь Шэнцзи]. *Научно-технический прогресс и меры политики* [Кэцзи цзиньбу юй дуйцэ, 科技进步与对策], 29(12), 63–69. <https://doi.org/10.6049/kjbydc.2011030562>
- Ма, Л. (2023). Промышленная политика Китая. Анализ развития полупроводниковой промышленности. *Финансовый бизнес*, 7(241), 246–249. EDN: UWGWNH
- Мозиас, П. М. (2024). Промышленная политика Китая: на перекрестке мнений. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*, 4, 92–129. EDN: FZINSA. DOI: 10.31249/rva/2024.04.06
- Мураев, И. Г. (2025). Семантический анализ понятия «промышленная политика». *Russian Journal of Management*, 2, 93–107. EDN: TKDIRS. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-2-93-107
- Панцов, А. В. (2013). *Дэн Сяопин*. Москва: Молодая гвардия.
- Рогатных, Е. Б., Звезднов, П. Д. (2024). Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий. *Российский внешнеэкономический вестник*, 8, 34–48. EDN: FOVAIX. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48
- Сербина, Е. М. (2025). Роль и место политических банков в экономической системе Китая: монография. Москва. ИКСА РАН.
- Соскова, О. С., Барабошкина, А. В., Щелчков, К. А. (2024). Анализ особенностей развития промышленной политики Китайской Народной Республики. *Вестник евразийской науки*, 16(1). EDN: WYCGCU
- Сюэцзюнь, Ч., Тянь, М. (2018). Исследование по производственной политике Китая новой эпохи служение примером для России. *Инновации и инвестиции*, 5, 71–73. EDN: CETLZN
- Ху Хуншу, Ли Цзе. (2022). Фискальная конкуренция, мягкие бюджетные ограничения и налоговое бремя предприятий [财政竞争、预算软约束与企业税负, Цайчжэн Цзинчжэн, Юйсуань Жуань Юэшу Юй Цие Шуйфу]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 6, 153–171.
- Цай Фан. (2013). Демографический дивиденд и устойчивый экономический рост Китая [人口红利与中国经济可持续增长, Жэнькоу Хунли Юй Чжунго Цзинди Кэчисюй Цэньчжан]. *Общественные науки Ганьсу* [Ганьсу шэхуй кэсюэ, 甘肃社会科学], 1, 1–4.
- Чэн Цзюньцзе. (2015). Промышленная политика и избыточные производственные мощности в переходный период Китая: эмпирическое исследование на основе панельных данных обрабатывающей промышленности [中国转型时期产业政策与产能过剩：基于制造业面板数据的实证研究, Чжунго Чжуаньсин Шици Чанье Чжэнцэ Юй Чэннэн Гоушэн: Цзюй Чжицзао Е Мянбань Шуцзюй Дэ Шичжэн Яньцзю]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 41(8), 131–144.

- Ши, Л. (2023). Промышленная политика Китая как системообразующий фактор экономического развития. *Евразийский юридический журнал*, 2(177), 479–480. EDN: НТЯWCI
- Allan, B. B., & Nahm, J. (2025). Strategies of Green Industrial Policy: How States Position Firms in Global Supply Chains. *American Political Science Review*, 119(1), 420–434. <https://doi.org/10.1017/S0003055424000364>
- Autor D., Dorn, D., Hanson Gordon, H. (2021). *On the Persistence of the China Shock*. NBER Working Paper 29401. <https://doi.org/10.3386/w29401>
- Bartelme, D., Costinot, A., Donaldson, D., & Rodríguez-Clare, A. (2025). The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. *Journal of Political Economy*, 133(5), 1527–1573.
- Barwick, P. J., Kalouptsi, M., & Zahur, N. B. (2025). Industrial Policy Implementation: Empirical Evidence from China's Shipbuilding Industry. *The Review of Economic Studies*. EDN: EPXCLA. DOI: 10.1093/restud/rdaf011
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Press.
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019). *The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy*. IMF Working Paper, Institute for Capacity Development.
- Heilmann, S. (Ed.). (2017). *China's political system*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). New York, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Choi, J., & Levchenko, A. A. (2021). *The Long-Term Effects of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 29263. National Bureau of Economic Research. <https://ssrn.com/abstract=3926944>
- Coyle, D. (2024). Everything Everywhere All At Once: Competition Policy and Industrial Policy Choices in an Era of Structural Change. *Oxford Review of Economic Policy*, 40(4), 718–728. EDN: ZYHHCW. DOI: 10.1093/oxrep/gra040
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper.
- Garcia-Macia, D., Kothari, S., & Tao, Y. (2025). *Industrial Policy in China: Quantification and Impact on Misallocation*. IMF Working Papers No. 2025/155. International Monetary Fund. <https://doi.org/10.5089/9798229017855.001>
- Gebrewold, E. T. M., & Rockey, J. (2022). The Effectiveness of Industrial Policy in Developing Countries: Causal Evidence from Ethiopian Manufacturing Firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. EDN: VZKIPC. DOI: 10.1080/19439342.2022.2090997
- International Monetary Fund. Asia and Pacific Department. (2024b). *People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China*. (IMF Staff Country Reports No. 2024/258). <https://doi.org/10.5089/9798400284281.002>
- International Monetary Fund. (2024a). *Industrial Policy Coverage in IMF Surveillance – Broad Considerations* (Policy Papers No. 2024/008). <https://doi.org/10.5089/9798400266683.007>
- Lane, N. (2025). Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea, *The Quarterly Journal of Economics*, 140(3), 1683–1741, <https://doi.org/10.1093/qje/qjaf025>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 31538. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Han, Y, Pang, S., Jiang, F., Wang T. (2025). Does “Made in China (2025)” improve innovation quality in robotics? Evidence from PageRank-based patent network. *Economic Modelling*, 152. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107299>
- Huang, X., Tarkom, A., & Yang, L. (2024). The role of political party in curtailing opportunistic insider sales: Evidence from China. *Applied Economics Letters*, 32(18), 2571–2576. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2336175>
- Kornai, J. (1986). The Soft Budget Constraint. *Kyklos*, 39(1), 3–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1986.tb01252.x>
- Mariotti, S. (2025). “Open strategic autonomy” as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly? *J. Ind. Bus. Econ.* 52, 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40812-024-00327-y>
- Melnik, J. (2019). China's “National Champions”: Alibaba, Tencent, and Huawei. *Entrepreneurship in Asia*, 24(2), 29–33.
- Millot, V., & Rawdanowicz, Ł. (2024). The return of industrial policies: Policy considerations in the current context. *OECD Economic Policy Papers*, 34. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/051ce36d-en>
- Oqubay, A. (2020). The Theory and Practice of Industrial Policy. In A. Oqubay & al. (Eds.), *The Oxford Handbook of Industrial Policy*, *Oxford Handbooks*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198862420.013.2>
- Wei Lu, Wei Mingye, Wu Yifei, & Jing Zhongbo (2025). Does party organization construction improve chinese banks' stability? Evidence from a new textual index. *China Economic Review*, 94, Part B, 102541. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102541>
- Xu, Y. (2024). *Industrial Policy and State Ownership: How Do Commercial Banks Allocate Credit in China?*. IMF Working Paper WP/24/262. International Monetary Fund.
- Ying, X. (2025). A New Interpretation of Lenin's *What Is to Be Done?* A Comparative Study from a Historical-Sociological Perspective. *Chinese Journal of Sociology*, 11(3), 398–429. <https://doi.org/10.1177/2057150X251357545>
- Zhou, B., Qin, M., & Zhan, F. (2025). Industrial Policy, Enterprise Investment Risk Taking and Innovative Activities. *Finance Research Letters*, 86(Part C), 108526.

References

- Allan, B. B., & Nahm, J. (2025). Strategies of Green Industrial Policy: How States Position Firms in Global Supply Chains. *American Political Science Review*, 119(1), 420–434. <https://doi.org/10.1017/S0003055424000364>

- Andrianov, K. N. (2019). China's Industrial Policy: Evolution and Modern Content. *Horizons of Economics*, 4(50), 97–102. (In Russ.).
- Autor D., Dorn, D., Hanson Gordon, H. (2021). *On the Persistence of the China Shock*. NBER Working Paper 29401. <https://doi.org/10.3386/w29401>
- Bartelme, D., Costinot, A., Donaldson, D., Rodríguez-clare, A. (2025). The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. *Journal of Political Economy*, 133(5), 1527–1573.
- Barwick, P. J., Kalouptsi, M., & Zahur, N. B. (2025). Industrial Policy Implementation: Empirical Evidence from China's Shipbuilding Industry. *The Review of Economic Studies*. <https://doi.org/10.1093/restud/rdaf011>
- Cai Fang. (2013). Demographic dividend and sustainable economic growth of China [Renkou Hongli yu Zhongguo Jingji Kechixu Zengzhang]. *Gansu Shehui Kexue* [甘肃社会科学], 1, 1–4. (In Chinese).
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Press.
- Cheng Junjie. (2015). Industrial policy and excessive industrial capacities in the transitional period in China: empirical study based on panel data of processing industry [Zhongguo Zhuanxing Shiqi Chanye Zhengce yu Nengguo Shengshi: Jiyu Zhizaoye Mianban Shuju de Shizheng Yanjiu]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 41(8), 131–144. (In Chinese).
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019). *The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy*. IMF Working Paper, Institute for Capacity Development.
- Heilmann, S. (Ed.). (2017). *China's political system*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). New York, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Choi, J., & Levchenko, A. A. (2021). *The Long-Term Effects of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 29263. National Bureau of Economic Research. <https://ssrn.com/abstract=3926944>
- Coyle, D. (2024). Everything Everywhere All At Once: Competition Policy and Industrial Policy Choices in an Era of Structural Change. *Oxford Review of Economic Policy*, 40(4), 718–728. <https://doi.org/10.1093/oxrep/gra040>
- Danilin, I. V. (2024). “National Champions” and Technological “Little Giants”: Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition. *MGIMO Review of International Relations*, 17(6), 139–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154>
- Du Tongwei, Zhang Yishan, Li Tianyu. (2020). Fiscal competition, soft budget restrictions and fiscal sustainability of the local authorities [Caizheng Jingzheng, Yusuan Ruan Yueshu yu Difang Caizheng Kechixing]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 11, 93–107. (In Chinese). <https://doi.org/10.16538/j.cnki.jfe.20200616.402>
- Epikhina, R. A. (2021). Industrial policy in the electric power sector as part of China's global leadership strategy. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 243–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253> (In Russ.).
- Evenett, S., Jakubik, A., Martin, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper.
- Garcia-Macia, D., Kothari, S., & Tao, Y. (2025). *Industrial Policy in China: Quantification and Impact on Misallocation*. IMF Working Papers No. 2025/155. International Monetary Fund. <https://doi.org/10.5089/9798229017855.001>
- Gebrewold, E. T. M., & Rockey, J. (2022). The Effectiveness of Industrial Policy in Developing Countries: Causal Evidence from Ethiopian Manufacturing Firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>
- Golovenchik, G. G., Gospodarik, E. G., & Wang, Yu. (2020). New Industrial Policy and Digitalization: China's Experience for the EEU. *Novaya ekonomika*, 2(76), 56–74. (In Russ.).
- Guo Yue. (2018). Mechanism of transmitting signals through public innovation subsidies and innovative activity of enterprises [Zhengfu Chuangxin Buzhu de Xinhao Chuandi Jizhi yu Qiye Chuangxin]. *Zhongguo Gongye Jingji* [中国工业经济], 9, 98–116. (In Chinese).
- Hu Hongshu, Li Jie. (2022). Fiscal competition, soft budget restrictions and tax burden of enterprises [Caizheng Jingzheng, Yusuan Ruan Yueshu yu Qiye Shuifu]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 6, 153–171. (In Chinese).
- Han, Y, Pang, S., Jiang, F., Wang T. (2025). Does “Made in China (2025)” improve innovation quality in robotics? Evidence from PageRank-based patent network. *Economic Modelling*, 152. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107299>
- Huang, X., Tarkom, A., & Yang, L. (2024). The role of political party in curtailing opportunistic insider sales: Evidence from China. *Applied Economics Letters*, 32(18), 2571–2576. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2336175>
- International Monetary Fund. Asia and Pacific Department. (2024b). *People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China*. (IMF Staff Country Reports No. 2024/258). <https://doi.org/10.5089/9798400284281.002>
- International Monetary Fund. (2024a). *Industrial Policy Coverage in IMF Surveillance—Broad Considerations* (Policy Papers No. 2024/008). <https://doi.org/10.5089/9798400266683.007>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 31538. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Kapoguzov, E. A., Gordeev, V. A., & Tianquan, L. (2025). Government support as an enterprises competitiveness increasing factor: the experience of China for Russia. *Management Issues*, 19(3), 127–142. (In Russ.).
- Kornai, J. (1986). The Soft Budget Constraint. *Kyklos*, 39(1), 3–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1986.tb01252.x>
- Kurudimov, N. V. (2023). Policy analysis for the development of Green energy sources in the industrial sector (on the example of China). *Kant*, 2(47), 55–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2023-47.10>
- Lane, N. (2025). Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea, *The Quarterly Journal of Economics*, 140(3), 1683–1741, <https://doi.org/10.1093/qje/qjaf025>

- Lin Yifu. (2010). New structural economy: restructuring the frameworks of development economy [Xin Jiegou Jingjixue: Chonggou Fazhan Jingjixue de Kuangjia]. *Jingjixue (Jikan)* [经济学(季刊)], 10(1), 1–32. (In Chinese).
- Lu Bing. (2012). Increases in the chain of creating industry value in the transitional economy [Zhuanxing Jingji zhong de Chanye Jiazhilian Shengji]. *Keji Jinbu yu Duice* [科技进步与对策], 29(12), 63–69. <https://doi.org/10.6049/kjbydc.2011030562> (In Chinese).
- Ma, L. (2023). Industrial policy of China. Development analysis semiconductor industry. *Financial Business*, 7(241), 246–249. (In Russ.).
- Mariotti, S. (2025). “Open strategic autonomy” as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly? *J. Ind. Bus. Econ.* 52, 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40812-024-00327-y>
- Melnik, J. (2019). China’s “National Champions”: Alibaba, Tencent, and Huawei. *Entrepreneurship in Asia*, 24(2), 29–33.
- Millot, V., & Rawdanowicz, Ł. (2024). The return of industrial policies: Policy considerations in the current context. *OECD Economic Policy Papers*, 34. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/051ce36d-en>
- Mozias, P. M. (2024). The chinese industrial policy debate. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal*, 4, 92–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rva/2024.04.06>
- Muraev I. G. (2025). Semantic analysis of the concept of “industrial policy”. *Russian Journal of Management*, 2, 93–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-2-93-107>
- Oqubay, A. (2020). The Theory and Practice of Industrial Policy. In A. Oqubay & al. (Eds.), *The Oxford Handbook of Industrial Policy, Oxford Handbooks*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198862420.013.2>
- Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Rogatnykh, E. B., & Zvezdnov, P. D. (2024). China’s Experience in Supporting High-tech Industry Development. *Russian Foreign Economic Journal*, 8, 34–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-8-34-48>
- Serbina, E. M. (2025). *Role and place of political banks in the Chinese economic system*: monograph. Moscow: ICCA RAS. (In Russ.).
- Shi, L. (2023). China's Industrial Policy as a System-Forming Factor of Economic Development. *Eurasian Law Journal*, 2(177), 479–480.
- Soskova, O. S., Baraboshkina, A. V., & Shchelchikov, K. A. (2024). Analysis of the development features of industrial policy of the People's Republic of China. *Vestnik Yevraziyskoy nauki*, 16(1). (In Russ.). <https://esj.today/PDF/34ECVN124.pdf>
- Wei Lu, Wei Mingye, Wu Yifei, & Jing Zhongbo (2025). Does party organization construction improve chinese banks' stability? Evidence from a new textual index. *China Economic Review*, 94, Part B, 102541. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102541>
- Xu, Y. (2024). *Industrial Policy and State Ownership: How Do Commercial Banks Allocate Credit in China?*. IMF Working Paper WP/24/262. International Monetary Fund.
- Xuejun, C., Tian, M. (2018). Research on China's manufacturing policy in the new era: serving as an example for Russia. *Innovation & Investment*, 5, 71–73. (In Russ.).
- Ying, X. (2025). A New Interpretation of Lenin’s *What Is to Be Done?* A Comparative Study from a Historical-Sociological Perspective. *Chinese Journal of Sociology*, 11(3), 398–429. <https://doi.org/10.1177/2057150X251357545>
- Zhou, B., Qin, M., Zhan, F. (2025). Industrial Policy, Enterprise Investment Risk Taking and Innovative Activities. *Finance Research Letters*, 86(Part C), 108526.
- Zubets, A. J. (2025). Public regional industrial policy of China: a successful case of Guangdong province. *Forging and Stamping Production. Processing of Materials by Pressure*, 8, 103–108. (In Russ.).
- Zuenko, I. Yu. (2017). Strengthening of “power vertical”: allocation and promotion of regional leaders in modern China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10(5), 30–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46>
- Zuenko, I. Yu., & Seltser, D. G. (2022). Cadres Decide Everything: Reform of Cadre System in China in late 1980s – early 1990s. *Oriental Institute Journal*, 1(53), 58–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/58-69>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 05.11.2025